

Индия в военной пропаганде Пакистана: формирование образа врага

Екатерина В. Голубцова

*Военный университет МО РФ им. князя А. Невского,
Москва, Россия, ekaterinasalupenko6@gmail.com*

Аннотация. Индийско-пакистанские отношения находятся в состоянии хронического кризиса. Основные причины конфликта зародились во время раздела британской колонии в Южной Азии в 1947 г. В свою очередь, разногласия, возникшие между Пакистаном и Индией в связи с распределением колониального имущества, оказали значительное влияние на формирование образов стран-соперниц. Так, восприятие пакистанскими лидерами Индии является наглядным примером воплощения концепции «образ врага». Об этом свидетельствует приписывание ей враждебных намерений по отношению к Пакистану. Кроме того, религиозный фактор, послуживший основой для создания Пакистана, способствовал разделению мусульман и индусов на «своих» и «чужих» и, как результат, противопоставлению пакистанцев и индийцев в целом. При этом важнейший вклад в создание образа Индии внесли генералы, напрямую управлявшие Пакистаном на протяжении почти 30 лет его существования в качестве независимого государства. Мухаммад Айюб-хан, первый генерал, возглавивший Пакистан в 1958 г., начал обращаться к идее агрессивного соседа для сплочения пакистанского народа. Вместе с тем журналы пакистанской армии, а также мемуары и политическая публицистика военных деятелей свидетельствуют о поэтапном развитии образа врага в лице соседнего государства: «британское», «американское» и «пакистанское» поколения военных воспринимали Индию по-разному. Однако в каждом поколении очевидно усиление тенденции демонизировать соседнюю страну. Сформировавшийся образ Индии оказывает непосредственное влияние на политику пакистанского руководства по отношению к ней.

Ключевые слова: образ врага, Пакистан, Индия, военный режим, пропаганда, международные отношения

Для цитирования: Голубцова Е.В. Индия в военной пропаганде Пакистана: формирование образа врага // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 86–103. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-86-103

India in Pakistan's military propaganda: formation of the enemy image

Ekaterina V. Golubtsova

*Prince Alexander Nevsky Military University, Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow, Russia,
ekaterinasalupenko6@gmail.com*

Abstract. The relations between Pakistan and India have always been hostile. The disagreements between them had a significant impact on the formation of the images of these countries. Pakistani leaders' perception of India is an example of the enemy image concept. The constant attribution to India of hostile intentions towards Pakistan is the evidence of it. In addition, the religious factor that was basic for the creation of Pakistan, contributed to the division of Muslims and Hindus into "friends" and "foes" and, as a result, added to the opposition between Pakistanis and Indians in the main. The generals who had ruled Pakistan directly for almost 30 years contributed to the creation of the enemy image of India. General Muhammad Ayub Khan was the first to start using the idea of an "aggressive neighbor" in order to unite the Pakistanis. The journals of the Pakistan army, as well as the political autobiographies of the military leaders, indicate that the development of the enemy image of the neighboring state was gradual: the generations of Pakistani officers perceived India differently. However, the tendency to demonize India can be seen as growing within every generation. The image of the neighboring country has a direct impact on the policy of Pakistan towards that country.

Keywords: enemy image, Pakistan, India, military regime, propaganda, international relations

For citation: Golubtsova, E.V. (2024), India in Pakistan's military propaganda: formation of the enemy image, *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 86–103, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-86-103

Введение

Индийско-пакистанский конфликт – один из самых продолжительных в новейшей истории. Раздел Британской Индии в 1947 г. стал источником разногласий между Пакистаном и Индией, некоторые из которых, например территориальная принадлежность Кашмира, по-прежнему определяют характер отношений между двумя странами.

В свете хронической напряженности взаимоотношений, Пакистан и Индия культивируют негативный образ друг друга на протяжении многих десятилетий. В свою очередь, образ Индии прочно лег в основу внешнеполитической стратегии Пакистана и в значительной степени влияет на решения пакистанского руководства в области международных отношений.

Первый военный переворот и приход к власти в Пакистане генерала Мухаммада Айюб-хана в 1958 г. послужил стартом для открытого участия военных в политике. На протяжении десятилетий армия сохраняет решающее влияние в политической жизни Пакистана. В связи с этим логично предположить, что генералитет сыграл важную роль при формировании вражеского образа Индии.

К научным публикациям, определившим историографическую базу статьи, можно отнести следующие труды: работы по проблемам национального строительства Пакистана [Cohen 2004; Jaffrelot 2002]; исследования специфики формирования и роли пакистанских вооруженных сил (ВС) [Fair 2014; Rizvi 2000]; работы, посвященные экстремистским движениям в Южной Азии [Чекризова 2016; Рашид 2012]. Методологическая основа исследования базируется на теории формирования «образа врага» отечественных историков А.С. Сениявского и Е.С. Сениявской, предложивших, на наш взгляд, наиболее исчерпывающее определение данного термина.

В их интерпретации «образ врага» – это совокупность представлений, возникающих у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущем угрозу его интересам, ценностям или самому физическому и социальному существованию, и формируемых на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия [Сениявский, Сениявская 2006, с. 65].

Стереотипы обладают высокой устойчивостью в обществе, способны передаваться из поколения в поколение и нередко воспринимаются как реальность, несмотря на то что стереотипное мышление, как правило, способствует искаженному восприятию тех или иных действий вражеского государства. Стереотип вражеского государства подразумевает, что оно обладает агрессивными и злыми намерениями по отношению к определенной стране. В целом А.С. Сениявский и Е.С. Сениявская предлагают следующую классификацию стереотипов: адекватные реальности, частично адекватные и совершенно ей неадекватные. Они также указывают, что большинство людей не склонны отказываться от своих взгля-

дов, даже если их личный опыт противоречит стереотипу [Сенявский, Сенявская 2006, с. 58].

По мнению исследователей, проблема формирования «образа врага» является частью более широкой проблемы «свой–чужой», для которой характерна самоидентификация какой-либо социальной группы с помощью соотнесения себя с другими и выработке отношения к «чужому». Важным представляется и тезис, что содержание образа врага во многом зависит от социума, его ценностей, исторической эпохи и других факторов [Сенявский, Сенявская 2006, с. 58].

На примере армейских журналов, а также мемуаров и политической публицистики военных деятелей проанализируем специфику вражеского образа Индии в пакистанской армии. Для большей наглядности проследим формирование образа Индии в армейской среде через поколенческую призму.

Так, американский политолог и специалист по Южной Азии С.Ф. Коэн, принимая во внимание специфику политических режимов, а также внешних обстоятельств, в частности вооруженных конфликтов и геополитической обстановки, выделил несколько поколений пакистанских военных: «британское», «американское» и «пакистанское» [Cohen 2004, p. 99].

Офицеры, чья профессиональная карьера началась при колониальной администрации, являются представителями «британского» поколения. Большинство из них получило образование в Великобритании и соответственно переняло военный опыт метрополии. Этим во многом объясняется тот факт, что разные политические взгляды и религиозная принадлежность военнослужащих не оказывали какого-либо существенного влияния на сплоченность армейской среды.

Однако раздел бывшей британской колонии в Южной Азии в 1947 г. спровоцировал столкновения между индусами, мусульманами и сикхами, а также послужил источником конфликтов вокруг распределения колониального имущества между доминионами Индийский Союз и Пакистан. В свою очередь, разногласия по поводу территориальной принадлежности княжества Джамму и Кашмир стали причиной первой индийско-пакистанской войны в 1947–1948 гг. Указанные факторы оставили серьезный отпечаток в сознании военных, преимущественно мусульман, которые предпочли продолжить службу в армии Пакистана. Они начали с недоверием относиться к бывшим сослуживцам-индусам, большая часть которых выбрала службу в ВС Индии.

*Формирование подхода к восприятию Индии
в период правления генерала Мухаммада Айюб-хана
(1958–1969 гг.)*

Перечисленные события, а также начавшееся в середине 1950-х гг. тесное сотрудничество между Пакистаном и США в военной области способствовали формированию нового поколения офицеров – «американского». Этот период совпал с первым военным режимом генерала Айюб-хана.

Особенностью «американского» поколения военнослужащих стало недоверие к Индии, которое со временем только усилилось. Эту тенденцию наглядно демонстрируют выпуски военного журнала «Хилал»: в 1950-х гг. для них было характерно ограниченное внимание к Индии, связанное в основном с первой индийско-пакистанской войной, а в 1960-х гг. количество ее упоминаний в негативном ключе уже не ограничивалось контекстом Кашмира.

В годы правления Айюб-хана, а затем Ага Мухаммада Яхья-хана¹, его преемника, происходила трансформация мировоззренческих взглядов военных. Эта тенденция во многом обуславливалась отношением мирового сообщества к Пакистану: не только индийские политические деятели, но и представители других стран выражали неверие в жизнеспособность страны. Например, швейцарский журналист Питер Шмидт открыто обратился к Айюб-хану с вопросом «почему вы существуете?», подразумевая, что раздел Британской Индии стал ошибкой и что Пакистан является «невозможным государством» [Schmid 1961, p. 203].

Положение Пакистана усугублялось и неоконченным процессом формирования национального самосознания его граждан. Пакистан – государство, объединившее многонациональное население под эгидой ислама. Однако общая религиозная принадлежность не являлась прочным фактором для удержания пестрого этнолингвистического населения в рамках одной страны [Голубцова 2022, с. 105].

В связи с этим сформировавшееся на международной арене отношение к Пакистану не устраивало армейскую верхушку, которая начала обвинять Индию в невыгодном положении страны. Генералитет, оказавшись у власти на начальном этапе формирования пакистанской государственности, начал позиционировать себя не

¹ Ага Мухаммад Яхья-хан, в отличие от Айюб-хана, не обладал характером лидера, он являлся «марионеткой» армии. В 1971 г., не сумев справиться с кризисным положением в стране в связи с потерей Восточного Пакистана, он подал в отставку.

только в качестве гаранта целостности внешних границ, но и государственной идеологии [Fair 2004, p. 5]. Айюб-хан проводил политику, направленную на укрепление национальной идентичности пакистанцев, результатом которой стало культивирование вражеского образа Индии. Свои взгляды на Индию Айюб-хан отразил в политической автобиографии, которую в СМИ прозвали «гимном ненависти к Индии»².

Так, пакистанское руководство негативно отзывалось об Индии и индусах, приводя доводы в пользу несовместимости идеологий ислама и индуизма. Министр иностранных дел в 1958–1962 гг. Манзур Кадир публично высказывался о том, что религия и иррациональный склад ума индусов чужды мусульманам. По его мнению, индусы и мусульмане неспособны сосуществовать вместе из-за несовместимого менталитета [Schmid 1961, p. 204].

В ноябре 1966 г. в интервью британской газете «Манчестер Гардиан» Айюб-хан, отвечая на вопрос журналиста о необходимости раздела Британской Индии, подчеркнул, что раздел не был ошибкой. Если бы Пакистан и Индия остались целостной географической единицей, на субконтиненте могла начаться гражданская война из-за противоречий в учениях ислама и индуизма. По словам генерала, мусульмане верят в братство среди людей и предоставляют всем равные возможности. Для них нехарактерны классовые или расовые предрассудки, в то время как неотъемлемой чертой индуизма является кастовая система, подразумевающая неравенство в обществе [Голубцова 2022, с. 110].

Неоднократно в своих выступлениях Айюб-хан называл Индию оплотом индуизма и империализма. Так, в интервью для пакистанского издания «Доун», опубликованного в марте 1966 г., он резко критиковал основополагающий принцип индийской государственности – секуляризм, предполагающий равно уважительное отношение ко всем религиям, скептически высказывался о существовании нации индийцев [Голубцова 2022, с. 111].

Поскольку Пакистан был создан на основе «теории двух наций», согласно которой индийский национализм основывался на индуизме, а пакистанский на исламе, вера пакистанской стороны в истинность принципа секуляризма в Южной Азии противоречила бы этой теории. Поэтому в идейном воспитании военнотружущих Пакистана акцентировались «индусскость» Индии и якобы присущее ей стремление уничтожить соседнее мусульманское государство³.

² См.: Washington Post. 1967. 12 Sept.

³ См.: Khan M.A. Friends not masters. A political autobiography. Islamabad: Mr. Books, 2006. P. 126.

В связи с «индусской угрозой» генералитет воспринимал защиту и присоединение княжества Джамму и Кашмир, население которого являлось преимущественно мусульманским, к Пакистану как восстановление справедливости. Долг пакистанских ВС часто объяснялся волей самих мусульман. Например, в военном журнале «Хилал» начиная с 1960-х гг. нередко можно встретить статьи, в которых обосновывается нежелание кашмирцев быть гражданами Индии⁴.

В рамках становления ислама в качестве государственной идеологии логичным представляется расширение связей Пакистана со странами Ближнего Востока. В этих условиях индусы начали позиционироваться как «чужие», в то время как мусульмане считались «своими».

При этом Айюб-хан, как следует из его биографии, не являлся строгим последователем предписаний ислама. Он выступал против привнесения мусульманской идеологии во все сферы общества. Вероятно, свою роль сыграло британское образование. И в то же время он явно осознавал важность исламского фактора для обоснования существования Пакистана⁵.

Другой чертой образа Индии, которая начала демонизироваться при Айюб-хане, стали ее устремления доминировать в регионе. Индия позиционировалась как экспансионист, наследница Британской империи, лидеры которой якобы мечтали расширить границы страны. В своей автобиографии Айюб-хан писал о том, что у Индии не может быть иных целей, кроме экспансионизма, поскольку она не удовлетворена нынешней сферой влияния⁶.

Когда в конце 1940 – начале 1950-х гг. Индия заключила ряд договоров с Непалом, Бирмой, Цейлоном и Бутаном, опасения пакистанского военного руководства еще больше усилились, по-

⁴ См.: سابق فوجیوں کے مسائل [Проблемы бывших солдат] // ہلال (Hilal) [Полумесец]. 1963. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/1680-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 31 января 2021);

سارے کشمیر میں ہندوستان کے خلاف زبردست بے چینی پائی جاتی [Индийский Кашмир настроен против Китая] // ہلال (Hilal) [Полумесец]. 1964. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/3227-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 31 января 2021);

ہندوستان سے مسلمانوں کو زبردستی نکالنے سے پیدا شدہ صورت حل [Принудительное выселение мусульман из Индии] // ہلال (Hilal) [Полумесец]. 1964. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/3439-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 31 января 2021).

⁵ См.: Khan M.A. Op. cit. P. 196.

⁶ Ibid.

скольку, по мнению генералитета, соглашения фактически поставили внешнюю политику этих стран под контроль Индии [Khan 2006, p. 143]. Вместе с тем реальность не соответствовала восприятию пакистанской стороны: согласно договору, Индия действительно получила широкие полномочия при определении внешней политики Бутана, в то время как с Непалом, Бирмой и Цейлоном устанавливались равноправные отношения.

В армейской среде было распространено мнение, будто Пакистан является буфером, сдерживающим индийский экспансионизм и препятствующим его распространению на Афганистан, Иран и другие страны Ближнего Востока, а также на Малайзию и Индонезию. Например, об этом свидетельствует содержание статьи в пакистанской газете «Наи Рошини», опубликованной 8 ноября 1962 г. [Голубцова 2022, с. 114].

В начале 1960-х гг. в риторике пакистанских военных под термином «индийская нация» подразумевалась не только индусская община, но и различные этнические группы, проживающие на территории Индии. Широко транслировалась идея, что Индия близка к развалу⁷. В мартовском издании газеты «Доун» 1966 г. были опубликованы слова Айюб-хана о том, что пакистанцы могут наблюдать раскол Индии, поскольку в освободительную борьбу вовлечены различные народы Южной и Северо-Восточной Индии, в частности нага, мизо, а также последователи сикхизма [Голубцова 2022, с. 115].

Кроме того, в начале 1970-х гг. появилась тенденция обвинять Индию в поддержке сепаратистских настроений в Пакистане: жители Восточного Пакистана, Белуджистана, Синда, а также Северо-Западной пограничной провинции (после 2010 г. – Хайбер-Пахтунхва) выражали недовольство политикой центрального правительства, направленной на насильственное внедрение языка урду в качестве государственного, а также в выкачивании ресурсов из перечисленных провинций, значительная часть которых использовалась для развития провинции Панджаб [Голубцова 2022, с. 47].

Игнорируя жалобы населения, военное руководство начало обращаться к индийскому фактору для объяснения центробежных настроений (даже тогда, когда следы ее поддержки были неочевидны) и сокрытия реальных причин этого явления.

⁷ В связи со стремлением ослабить Индию Пакистан поддерживал морально и в некоторых случаях материально восстания народов нага и мизо, а также другие сепаратистские движения на территории Индии, включая Кашмир.

*Негативные тенденции в восприятии Индии
при военном режиме Мухаммада Зия-уль-Хака
(1978–1988 гг.)*

В свою очередь идейные установки «американского» поколения сохранили актуальность и для третьего, «пакистанского», поколения, которое начало формироваться в начале 1970-х гг. под влиянием таких факторов, как индийско-пакистанские войны 1965 и 1971 гг., поддержка Индией сепаратизма Восточной Бенгалии и, как результат, отделение Восточного Пакистана в 1971 г., разработка Индией военной ядерной программы и политика «исламизации»⁸ Мухаммада Зия-уль-Хака, третьего генерала, возглавившего Пакистан в 1977 г. [Cohen 2004, p. 106].

Так, военные неудачи 1965 г. стали моральным ударом для пакистанской стороны. Чтобы избежать падения авторитета в глазах гражданского населения, промежуточные итоги участия в войне преподносились генералитетом как победоносные⁹. Поэтому отсутствие уверенной победы, став неожиданностью для населения, породило шовинистические и реваншистские настроения. Пакистанцы требовали отмщения Индии и освобождения Восточного Пакистана от «индусского рабства». Кроме того, раздел страны пошатнул веру во всемогущество ВС не только среди гражданских, но и самих военнослужащих [Москаленко 1984, с. 186].

Поражение в войне 1971 г. привело к удручающим результатам, поскольку завершилось расколом страны. Это событие сильнее укрепило убежденность военнослужащих в агрессивных намерениях Индии по отношению к Пакистану¹⁰. Пакистанской стороне в какой-то степени стало удобно обвинять во всех неудачах Индию.

⁸ Политика «исламизации» затронула фактически все сферы жизни пакистанского общества: конституционно-законодательную, внешнеполитическую, экономическую и социально-культурную.

⁹ См.: اسلام عليكم [Да пребудет с вами мир] // ہلال (Hilal) [Полумесяц]. 1966. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/1362-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 31 января 2021);

افواج پاکستان ہر حملہ آور کا منہ توڑ سکتی ہیں [Пакистанские ВС могут отразить любую атаку] // ہلال (Hilal) [Полумесяц]. 1966. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/1319-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 31 января 2021).

¹⁰ См.: صدر پاکستان کا قوم سے خطاب [Обращение президента Пакистана к народу] // ہلال (Hilal) [Полумесяц]. 1971. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/1869-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 31 января 2021).

Перекладывая на нее часть ответственности за трудные времена, пакистанское руководство, во-первых, оправдывало свои действия, а во-вторых, спланировало народ перед угрозой со стороны врага, который якобы перешел в активную фазу наступления и помимо Кашмира отнял еще и восточную часть Пакистана.

На фоне потери Восточного Пакистана произошел кризис национальной идеологии. Военные неудачи продемонстрировали необходимость ее переосмысления. Именно Зия-уль-Хак привнес новшества в идейное воспитание военнослужащих, которые стали одним из проявлений политики «исламизации».

В 1982 г. генерал объявил, что значимость сохранения исламской идеологии в Пакистане по важности не уступает защите внешних границ [Rizvi 1986, p. 242]. Несмотря на то что и в предыдущие годы военные кадры воспитывались в духе «защитников ислама», при Зия-уль-Хаке эта тенденция проявилась интенсивнее.

Зия-уль-Хак в свете возрастающей популярности в Пакистане исламистских сил, в частности партии Джамаат-е ислами, был вынужден тесно с ними сотрудничать, чтобы удержаться у власти. Новый глава Пакистана впервые разрешил исламскому миссионерскому обществу Таблигхи Джамаат* распространять религиозную литературу и вести пропаганду среди военного персонала.

Кроме того, произошли изменения и в кадровом составе военнослужащих. Место военных, относящихся к «британскому» поколению, начали занимать представители мелких и средних слоев населения, большая часть которых получила образование в Пакистане и придерживалась фундаменталистских религиозных взглядов [Чекризова 2016, с. 14]. Соответственно влияние исламских духовных лиц и ислама в армейской среде выросло. От военнослужащих требовалось соблюдение всех предписаний ислама, что, по убеждению Зия-уль-Хака, должно было благоприятно сказаться на их дисциплине и уровне подготовки.

Обращение к исламу для пакистанской армии традиционно оставалось важным идеологическим концептом и для обоснования борьбы с «индусской Индией». При Зия-уль-Хаке у пакистанской армии появился новый лозунг: «Вера, благочестие и священная война»¹¹. Предполагалось, что в священной войне или джихаде главным врагом станут кафиры (неверные), т. е. индусы [Jaffrelot 2002, p. 290].

«Исламизация» способствовала изменениям в сфере военного и гражданского образования. В Пакистане переписывались учебные пособия. Особенный акцент делался на культивировании

* Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

¹¹ Старый лозунг звучал как «Вера, единение и дисциплина».

ненависти к индусам и сакрализации войн с соседней страной, восхвалялись военные режимы. Согласно новым учебникам, раздел Британской Индии стал результатом индусской агрессии, что, разумеется, было искажением истории. Обязательной частью военного образования становились исламские дисциплины [Aziz 1993, p. 227].

Военнослужащих, начавших карьеру при Зия-уль-Хаке и попавших под влияние «исламизации», от «британского» поколения отличали консервативность, негативное отношение к западной культуре и убежденность в повсеместной дискриминации мусульман, осуществляемой в том числе и индусами [Cohen 2004, p. 117]. Однако в реальности нередким явлением становилась и напускная религиозность, которую офицеры намеренно демонстрировали для быстрого продвижения по службе [Rizvi 2000, p. 208].

Указанные тенденции в идейном воспитании военнослужащих сохранились и в последующие годы.

Специфика образа Индии в годы правления генерала Первеза Мушаррафа (2001–2008 гг.)

В 1999 г. в Пакистане произошел очередной военный переворот, в результате которого страну возглавил генерал Первез Мушарраф. Будучи выходцем из армейских кругов, он не стал исключением в своем отношении к Индии, которая воспринималась как вражеское государство. Кроме того, военные круги по-прежнему считали ислам идеологической основой страны [Рашид 2012, с. 150].

Вместе с тем Пакистан после теракта 11 сентября 2001 г. оказался вынужден перейти в возглавленную США коалицию по борьбе с терроризмом, поскольку из-за помощи, оказываемой джихадистским группировкам¹², перед ним возникла угроза международной изоляции. Таким образом, Пакистан оказался в одном лагере с Индией¹³.

¹² Отношения с Индией осложнялись и тем фактом, что Пакистан, ввязавшись в афганский конфликт, способствовал росту международного терроризма: после окончания боевых действий в Афганистане (1979–1989 гг.) пакистанское руководство начало оказывать поддержку боевикам «Аль-Каиды» (террористическая экстремистская организация, запрещенная в РФ), которые помогали тренировать джихадистов для борьбы в Кашмире.

¹³ См.: *Musharraf P. In the line of fire. A memoir.* L.: Free Press, 2006. P. 202.

Соответственно это решение пакистанского руководства не могло не оказать влияния на идеологию страны. Так, Мушарраф объявил о необходимости проведения политики «просвещенной умеренности» или приверженности к умеренному исламу на национальном уровне. Выбор подобной стратегии объясняется возрастанием террористической угрозы и набирающей скорость мировой тенденцией отождествлять террористов с мусульманами. Мушарраф намеревался доказать, что считать ислам религией, разжигающей только ненависть и нетерпимость, неправильно¹⁴.

Тем не менее в Пакистане по-прежнему была популярна риторика о необходимости джихада против его врагов, особенно против Индии. Даже школьники воспитывались с мыслью, что они как члены мусульманской уммы, общины должны стать моджахедами, воспитав в себе способность к самопожертвованию [Bangash 2015, p. 21].

Такие же установки по-прежнему превалировали и в идейном воспитании военнослужащих. В 1990 г. была издана книга генерала Джаведа Хассана «Индия: основная характеристика», которая до сих пор числится в списке рекомендованной литературы в пакистанских военных учебных заведениях. Его труд направлен главным образом на дискредитацию индусского населения, его верований, менталитета и боевых навыков [Голубцова 2022, с. 128]. Генерал на примерах военных поражений индусов обосновывает их неспособность защитить свою страну от иноземных нашествий. Он полагает, что у индусов в отличие от пакистанцев отсутствуют врожденные военные способности [Hassan 1990, p. 52].

В военной среде не потеряли актуальность и опасения перед экспансионизмом и агрессивными намерениями Индии. Более того, они только усиливались в связи с ядерными испытаниями, которые Индия проводила начиная с 1970-х гг. Полковник Гулам Сарвар в статье для военного журнала 1995 г. писал, что разработка Индией ядерного оружия подтверждала ее стремление закрепиться в статусе регионального гегемона и мировой державы [Sarwar 1995, pp. 63–74].

Взгляд на Индию в начале XXI в.

При позитивных сдвигах в индийско-пакистанских отношениях в начале XXI в.¹⁵ антииндийская и антииндусская риторика

¹⁴ Ibid. P. 203.

¹⁵ Причиной, по которой военные смягчили риторику в отношении Индии, стал рост террористической угрозы внутри страны. Обстановка

военных кругов свидетельствовала о том, что в их идейном воспитании не произошло серьезных изменений.

Преемник Мушаррафа на наиболее значимом в ВС Пакистана посту начальника штаба сухопутных войск (НШСВ) в 2007–2013 гг. генерал Ашфак Первез Кайяни в своих публичных выступлениях подчеркивал важность исламской идеологии для безопасности Пакистана¹⁶. Во время пресс-конференции в 2010 г. генерал сообщил пакистанским СМИ, что главная цель армии по-прежнему заключалась в обеспечении защиты страны от «индийской угрозы» и что отношения с Индией кардинально не поменяются, пока не будут улажены кашмирская проблема, а также проблема раздела водных ресурсов¹⁷.

Тем не менее при последующих НШСВ Рахиле Шарифе (2013–2016 гг.) и Камаре Джаведе Баджве (2016–2022 гг.) можно констатировать некоторое отступление военных от традиционной жесткой позиции в отношении Индии. Стали популярными призывы к улучшению отношений с соседней страной и продолжению переговоров по кашмирскому вопросу.

Необходимость в нормализации индийско-пакистанских связей обуславливалась потребностью не распылять силы, подавляющая часть которых уходила на стабилизацию внутренней обстановки в стране, в частности борьбу с терроризмом.

Вместе с тем примирительные жесты пакистанского генералитета по отношению к Индии едва ли означают, что в идейных установках ВС произошли коренные изменения.

Отход от жесткой риторики позволяет усомниться в коренной трансформации взглядов армии еще и потому, что в 2014 г. к власти в Индии пришла проиндусская партия Бхаратия джаната парти во главе с Нарендрой Моди, для которого характерны антимусульманские настроения¹⁸ и твердая позиция по поводу

в Пакистане оказалась сильно дестабилизированной, а в этих условиях военные не могли позволить себе очередное военное противостояние с Индией, тем более что она являлась союзницей Пакистана по антитеррористической коалиции.

¹⁶ См.: Pak army for “Strong democratic system”: Kayani // Hindustan Times. 2012. URL: <https://www.hindustantimes.com/world/pak-army-for-strong-democratic-system-kayani/story-czC5ZagsxA6bHtV6uowFtM.html> (дата обращения 10 апреля 2024).

¹⁷ См.: Kayani spells out threat posed by Indian doctrine // Dawn. 2010. URL: <https://www.dawn.com/news/858309/kayani-spells-out-threat-posed-by-indian-doctrine> (дата обращения 24 марта 2024).

¹⁸ Убеждения по поводу негативного отношения Моди к мусульманам укрепились в связи с принятием нового закона о гражданстве, согласно

Кашмира: вся территория бывшего княжества позиционируется как индийское владение, а Пакистан видится «оккупантом».

Пакистанская сторона публично обвиняет Моди в «исламофобии», «индусском национализме», стремлении уничтожить мусульманскую общину [Zainab 2019]. Например, в выпусках «Хилал» за 2019 г. нынешнее правительство Индии неоднократно называли «экстремистским»¹⁹. Моди неоднократно вменяли в вину нетерпимость по отношению к мусульманам, приписывали ответственность за погромы мусульман в штате Гуджарат в 2002 г., в котором он в указанный год являлся главным министром²⁰.

При этом военное руководство по-прежнему считает своим долгом вести борьбу за Кашмир, т. е. за братьев-мусульман, поскольку отказ от нее станет ударом по государственной идеологии, основанной на «теории двух наций». Эта идея весьма характерно изложена в военном журнале «Хилал» за 2007 г. в статье, посвященной Дню Кашмира: «Без Кашмира теория создания Пакистана не может быть воплощена в жизнь полностью»²¹. В информационных ресурсах пакистанской армии Индия по-прежнему позиционируется как агрессор, который «душит» освободительную борьбу жителей Кашмира²² и является организатором террористических атак на его территории²³.

которому мигрировавшим в Индию мусульманам Пакистана, Бангладеш и Афганистана будет отказано в предоставлении индийского гражданства, и с ликвидацией автономного статуса штата Джамму и Кашмир в 2019 г., большая часть населения которого – мусульмане.

¹⁹ См.: *ایجنڈا کا دشمنی پاکستان اور بحران داخلی کا بھارت* [Внутренний кризис в Индии и антипакистанская повестка] // *ہلال* (Hilal) [Полумесяц] 2019. URL: <https://www.hilal.gov.pk/view-article.php?i=3180> (дата обращения 10 марта 2021).

²⁰ См.: *Hindutva as a Government* // Hilal. 2019. URL: <https://www.hilal.gov.pk/view-article.php?i=3511> (дата обращения 9 марта 2021).

²¹ См.: *یوم یکجہتی کشمیر* [День солидарности с Кашмиром] // *ہلال* (Hilal) [Полумесяц]. 2007. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/295-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 10 апреля 2024).

²² См.: *World needs to tell India enough is enough on Kashmir: PM Nawaz* // Dawn. 2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1306563> (дата обращения 22 февраля 2019).

²³ См.: *مجاہد کئی گنا بھاری پر کفار ہے* [Моджахедов больше, чем неверующих] // *ہلال* (Hilal) [Полумесяц]. 2000. URL: <https://www.hilal.gov.pk/uploads/archive/pdf/477-0-hilal-archive.pdf> (дата обращения 10 апреля 2024).

В целом материалы военных журналов «Хилал», «Грин бук», а также электронных ресурсов пакистанской межведомственной службы по связям с общественностью²⁴ за 2019–2023 гг. указывают на преимущественно негативное восприятие Индии [Голубцова 2022, с. 131].

Заключение

Пакистанские военнослужащие прошли несколько стадий в формировании мнения об Индии: от нейтрального до негативного. Большую роль при этом играли как внешние обстоятельства, так и целенаправленная политика военного руководства.

Пакистанские военные лидеры способствовали складыванию негативного образа Индии в глазах военнослужащих «американского» и «пакистанского» поколений. Итогом целенаправленной пропаганды стала враждебность по отношению к индийцам, которая не была присуща «британскому» поколению. Идея агрессивного соседа использовалась для сплочения пакистанского народа и одновременно с этим способствовала становлению ислама в качестве определяющего фактора в жизни страны, которой надлежало дать отпор «индусской Индии». Кроме того, религиозный фактор стал основой для разделения мусульман и индусов на «своих» и «чужих», что усиливало негативное отношение к Индии.

Восприятие пакистанским военным руководством Индии укладывается в концепцию образа врага. Это подтверждает такая черта образа Индии, как наличие агрессивных намерений с ее стороны, а также противопоставление индийцев и пакистанцев на основе религиозной принадлежности. В свою очередь, противопоставление граждан Индии и Пакистана является наглядной иллюстрацией проблемы «свой – чужой».

Соответственно ввиду неизменности идеологии в Пакистане и популярности в Индии проиндусских сил сегодня трудно констатировать формирование поколения с принципиально новым мировоззрением. Учитывая влияние, которое армия сохраняет при определении внешней политики, едва ли в ближайшее время можно ожидать со стороны Пакистана нового подхода к выстраиванию отношений с Индией.

²⁴ См.: ISPR official // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCEwlpFzuck7KyNAnsujkkFg> (дата обращения 10 апреля 2024).

Литература

- Голубцова 2022 – *Голубцова Е.В.* Индийский фактор в идейно-политическом развитии вооруженных сил Пакистана (вторая половина XX – начало XXI в.): Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022. 267 с.
- Москаленко 1984 – *Москаленко В.Н.* Внешняя политика Пакистана. М.: Наука, 1984. 301 с.
- Рашид 2012 – *Рашид А.* Погружение в хаос: как война против исламского экстремизма проигрывается в Пакистане, Афганистане и Центральной Азии // Геополитические проблемы Центральной Азии: «Большая игра» в прошлом и настоящем: Реф. сб. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 122–166.
- Сенявский, Сенявская 2006 – *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 2. С. 54–72.
- Чекризова 2016 – *Чекризова О.П.* Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане в конце XX – начале XXI в. М.: ИВ РАН, 2016. 251 с.
- Aziz 1993 – *Aziz K.K.* The murder of history in Pakistan. Lahore: Vanguard Books, 1993. 321 p.
- Bangash 2015 – *Bangash Y.K.* “Not India. Pakistan, India and the self” // India and South Asia: Regional perceptions / Ed. by V. Chandra. New Delhi: Pentagon Press, 2015. P. 18–29.
- Cohen 2004 – *Cohen S.P.* The idea of Pakistan. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2004. 369 p.
- Fair 2014 – *Fair C.C.* Fighting to the end. The Pakistan army’s way of war. N.Y.: Oxford University Press, 2014. 368 p.
- Hassan 1990 – *Hassan J.* India: A study in profile. Quetta: Services Book Club, 1990. 260 p.
- Jaffrelot 2002 – *Jaffrelot C.* Pakistan: Nationalism without a nation? New Delhi: Manohar, 2002. 352 p.
- Rizvi 1986 – *Rizvi H.-A.* The military and politics in Pakistan, 1947–1986. Lahore: Progressive Publishers, 1986. 355 p.
- Rizvi 2000 – *Rizvi H.-A.* Military, state and society in Pakistan. Basingstok: Macmillan, 2000. 307 p.
- Sarwar 1995 – *Sarwar Gh.* Pakistan’s strategic and security perspectives // Pakistan Army Journal. 1995. No. 36. P. 63–74.
- Schmid 1961 – *Schmid P.* India, mirage and reality. L.: George G. Harrap & Co. LTD, 1961. 256 p.
- Zainab 2019 – *Zainab H.* Saffron nationalism: A fuel for islamophobia // Hilal. 2019. URL: <https://hilal.gov.pk/view-article.php?i=3890> (дата обращения 22 февраля 2021).

References

- Aziz, K.K. (1993), *The murder of history in Pakistan*, Vanguard Books, Lahore, Pakistan.
- Bangash, Y.K. (2015), "Not India. Pakistan, India and the self", in Chandra, V., ed., *India and South Asia: Regional perceptions*, Pentagon Press, New Delhi, Republic of India, pp. 18–29.
- Chekrizova, O.P. (2016), *Islamskii radikalizm i ekstremizm v Pakistane v kontse XX – nachale XXI v.* [Islamic radicalism and extremism in Pakistan at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries], IV RAN, Moscow, Russia.
- Cohen, S.P. (2004), *The idea of Pakistan*, Brookings Institution Press, Washington D.C., USA.
- Fair, C.C. (2014), *Fighting to the end. The Pakistan army's way of war*, Oxford University Press, New York, USA.
- Golubtsova, E.V. (2022), Indian factor in the ideological and political development of the armed forces of Pakistan (second half of the 20th – beginning of the 21st century), Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Hassan, J. (1990), *India: A study in profile*, Services Book Club, Quetta, Pakistan.
- Jaffrelot, C. (2002), *Pakistan: Nationalism without a nation?*, Manohar, New Delhi, Republic of India.
- Moskalenko, V.N. (1984), *Vneshnyaya politika Pakistana* [Foreign policy of Pakistan], Nauka, Moscow, USSR.
- Rashid, A. (2012), "Descending into chaos: How the war against Islamic extremism is going in Pakistan, Afghanistan and Central Asia", in *Geopoliticheskie problemy Tsentral'noy Azii. "Bol'shaya Igra" v proshlom i nastoyashchem* [Geopolitical problems of Central Asia. "Great Game" in the past and present], Moscow, Russia, pp. 122–166.
- Rizvi, H.-A. (1986), *The military and politics in Pakistan, 1947–1986*, Progressive Publishers, Lahore, Pakistan.
- Rizvi, H.-A. (2000), *Military, state and society in Pakistan*, Macmillan, Basingstoke, UK.
- Sarwar, Gh., (1995), "Pakistan's strategic and security perspectives", *Pakistan Army Journal*, no. 36, pp. 63–74.
- Schmid, P. (1961), *India, mirage and reality*, George G. Harrap & Co. LTD, London, UK.
- Senyavskii, A.S. and Senyavskaya, E.S. (2006), "Historical imagology and the problem of forming the image of the enemy (based on the materials of Russian history of the 20th century)", *RUDN Journal of Russian History*, no. 2, pp. 54–72.
- Zainab, H. (2019), Saffron nationalism: A fuel for islamophobia, Hilal, available at: <https://hilal.gov.pk/view-article.php?i=3890> (Accessed 22 Feb. 2021).

Информация об авторе

Екатерина В. Голубцова, кандидат исторических наук, Военный университет МО РФ им. князя А. Невского, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, ул. Б. Садовая, д. 14; ekaterinasalupenko6@gmail.com

Information about the author

Ekaterina V. Golubtsova, Cand. of Sci. (History), Prince Alexander Nevsky Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 14, Bolshaya Sadovaya St., Moscow, Russia, 123001; ekaterinasalupenko6@gmail.com